

АНЖЕЛА ПАТРАКОВА,

ведущий социолог отдела социальных структур
Института социологии НАН Украины

Структурные составляющие чувства места в социальной иерархии

Abstract

The paper investigates how strong is the impact of socio-structural determinants on appraisal and self-appraisal of the social status in Ukraine. Therefore, it analyses data collected from 13 surveys for adult population of Ukraine (18 years old and above) being conducted by the Institute of Sociology, NAS of Ukraine, during 1994-2006. By means of a multiple linear regression analysis the author has constructed eight models describing economic and political preferences of respondents, professional and economic status, the structure of need satisfaction, leisure activities, attitudes toward social changes, as well as their demographic characteristics.

The analysis of regression models revealed that eight stratification measurements of social structure have a certain influence on an individual's subjective social position. But the major influence becomes institutional transformations specified for different periods of the monitoring surveys.

Структуры и личности в меняющемся мире

Современный этап развития обществ одни социологи называют периодом развитого модерна, “общества риска”, рефлексирующей модернизации (У.Бек) [1], другие – постмодернити или индивидуализацией (З.Бауман) [2], третьи – концом модернизированного общества или демодернизацией (А.Турен) [3]. И хотя научное сообщество пока не пришло к единому определению современного этапа, его представители зафиксировали определенные тенденции перемен, связанных со взаимодействием социальной структуры и личности.

Во-первых, вследствие увеличения и универсализации глобальных угроз и социальных рисков происходит истончение, рафинирование социальной структуры общества (У.Бек).

Во-вторых, рассматривая социальную структуру через стратификационное измерение, У.Бек указывает на “эффект лифта”, идущего вверх. Суть его, с одной стороны, заключается в том, что за прошедшие три десятилетия социальное неравенство в значительной степени осталось неизменным, то есть пропорции между богатыми и бедными сохраняются. С другой стороны, существенно изменились жизненные условия людей в сторону улучшения благосостояния независимо от того, к какому классу они принадлежат или какое социальное положение в обществе они занимают. Для многих индивидов стали более доступными такие товары и услуги, которые лет 30 назад считались престижными и недоступными для массового потребления (например, цветной телевизор, стиральная машина, автомобиль и т.д.). Это то, что У.Бек обозначил как “демократизацию” в приобретении престижных товаров и услуг и начало формирования общества массового потребления. Тем не менее совокупное увеличение дохода, качественное повышение материального благосостояния при неизменном социальном расслоении в обществе говорят о том, что “классовое общество целиком поднялось на этаж выше” [1, с. 112]. Этот эффект лифта, полагает У.Бек, придает новое значение прежним критериям социальной стратификации.

В-третьих, в индивидуализирующемся обществе новый статус присущ образованию: проблема уже не в доступе к нему. “Получения образования уже недостаточно; требуется “умение держаться”, “связи”, “способность к языкам”, “лояльность”, то есть выходящие за пределы функциональной необходимости критерии принадлежности к “социальным кругам”” [1, с. 127]. Такой процесс индивидуализации образования, при котором формального получения диплома уже недостаточно, необходимы личные достижения для подтверждения своей профессиональной пригодности, У.Бек назвал “эффектом лифта”, идущего вниз.

В-четвертых, значительно расширилось пространство действия дестандартизированных норм использования рабочей силы в контексте гибко-плюрального рынка с неполной или частичной занятостью. Тенденция флексибилизации наемного труда ближайшими следствиями имеет, по мнению У.Бека, перераспределение доходов, уровня социальной обеспеченности, карьерных шансов в сторону понижения, причем понижения коллективного. Для индивидов, вместе с тем, опасности, сопряженные с формой неполной занятости, дополняются частичной свободой и суверенитетом в формировании собственной жизни.

В-пятых, вследствие флексибилизации рынка труда, перехода к работе по краткосрочным контрактам либо без оговоренных гарантий, считает З.Бауман, происходит смена социальных образцов, обязательств, ценностей в сторону максимизации выгод “здесь” и “сейчас”, что характеризует “успешность” современного человека, независимо от социальной группы, к которой он принадлежит.

В-шестых, возрастание потребности в получении, наравне с классическим университетским образованием, дополнительного (“третичного” образования) З.Бауман обосновывает тем, что краткосрочная профессиональная подготовка, пройденная на рабочем месте под руководством работодателей, ориентированная непосредственно на конкретные виды деятельности, становится более привлекательной, нежели только университетское образование. Навыки, необходимые для практического освоения постоянно меняющихся профессий, не требуют продолжительной и систематической

учебы. В связи с этим диплом о высшем образовании увеличивает только шансы получить работу на рынке труда, но не гарантирует само рабочее место и дальнейший карьерный рост. В свое время эмпирически доказательно об этом писал Д.Гамбетта, изучавший совместно с М.Барбальи образовательные возможности в Пьемонте [4]. Следующий аргумент, который З.Бауман приводит по поводу смены классического университетского образования “третичным”, сводится к следующему: “Знак равенства, традиционно ставившийся между знанием, культурой, нравственными аспектами человеческого сосуществования и благосостоянием (как общественным, так и личным), решительно стерт; тем самым перестал существовать основной аргумент, поддерживающий претензии университетов на общественные фонды и высокое к себе уважение” [2, с. 174].

В-седьмых, характерной чертой постмодернити (З.Бауман), наравне со стратификационными “сдвигами”, является смена типов идентичности, которая предполагает принудительное и обязательное самоопределение. Это связано с тем, что трансформационные процессы охватили не только положение индивидов в обществе, но и сами “места”, которые хотели бы занять индивиды и которые ранее обеспечивали высокую степень уверенности в том, что карьера человека будет завершаться там, где и начиналась. Новые неопределенности влияют на всех индивидов, независимо от социального положения, которое они занимают, а обретение и закрепление избранной идентичности, полагает З.Бауман, “состоит не столько в том, *как* обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, *какую* идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать *другой* выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность” [2, с. 185]. Поэтому главной проблемой для современного человека является не поиск и сохранение своего места в жестких рамках класса или страты, а неуверенность в том, что, добиваясь определенного положения в обществе, человек рискует обнаружить, как сами позиции в какой-то момент могут исчезнуть или разрушиться.

В-восьмых, А.Турен [3], так же как и У.Бек с З.Бауманом, характеризует современное состояние обществ как нестабильность, несбалансированность, расшатанность социальной структуры. Однако он отмечает, что такое состояние социальной структуры проявляется в несоответствии культурных моделей, репрезентирующих вызовы XXI века, экономической и политической деятельности, инерционно погруженных еще в XIX век и скорее соответствующих ему, чем новому столетию.

В предлагаемой статье попытаемся обнаружить, насколько отмеченные выше тенденции, присущие современному этапу развития западных обществ, характерны и для современного украинского общества.

Украинские реалии: структурные деформации и трансформации последних десятилетий

Трансформация социальной структуры украинского общества стала результатом социальных, политических и экономических реформ начала 1990-х годов. Толчком к таким преобразованиям послужило два фактора. Первый — распад СССР и, как следствие, демонтаж старого институционального порядка, разрыв прежних экономических связей, остановка многих предприятий. Второй — провозглашение независимого государства и оформление новых институциональных форм организации общества: пере-

ход от государственно-уравнительной, плано-централизованной к рыночно ориентированной экономике и частной собственности, создание демократических институтов и основ гражданского общества. Изменения в прежних конфигурациях позиций и статусов инициировались и поддерживались глубокими преобразованиями базовых институтов общества: политической власти и собственности, то есть перераспределением экономических ресурсов, шансов и возможностей.

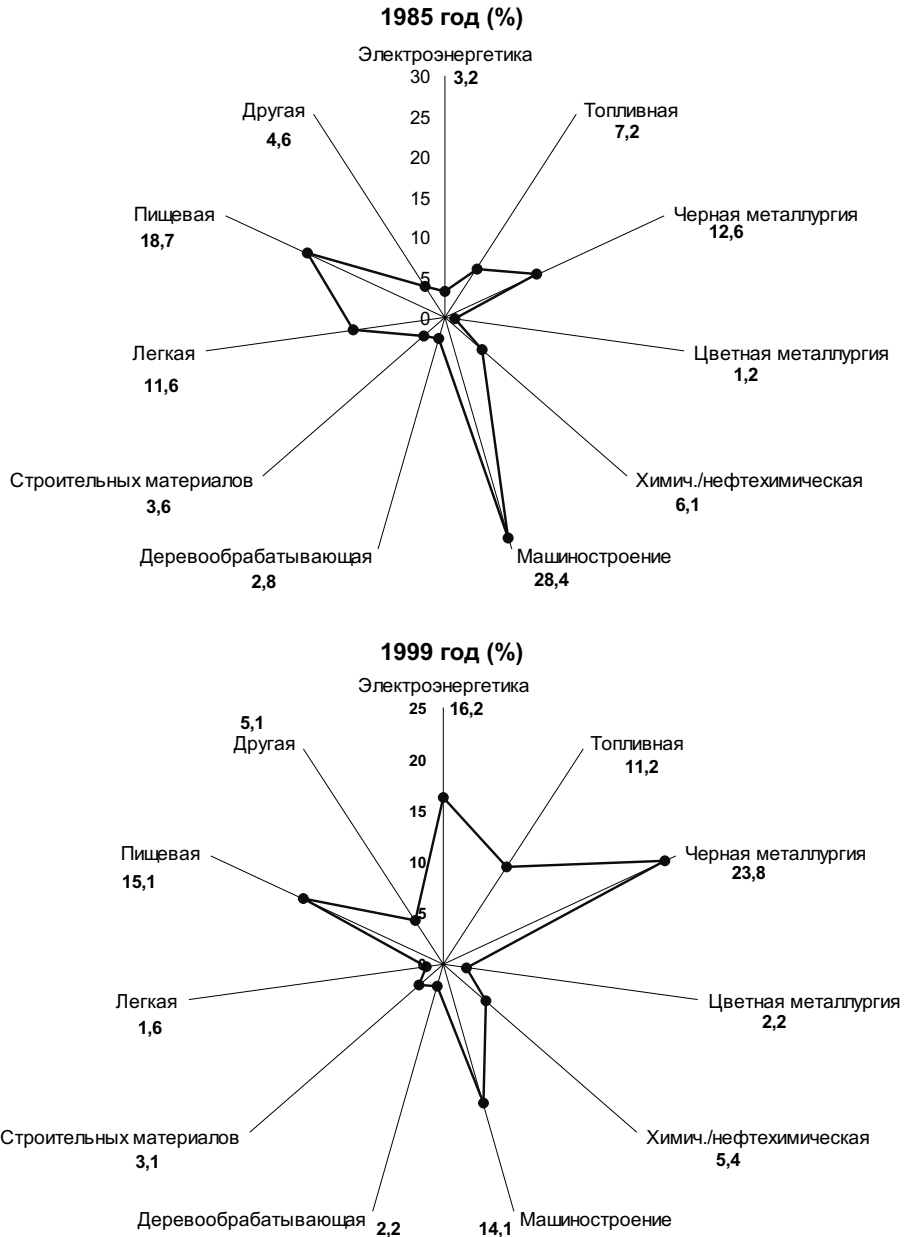
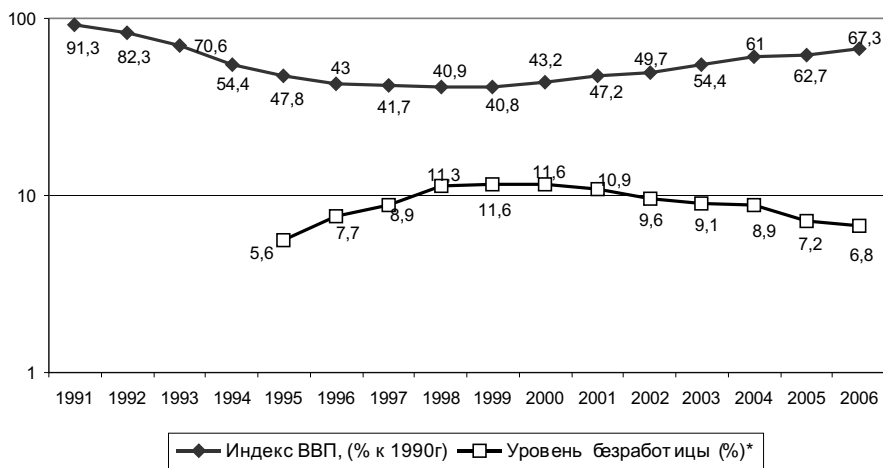


Рис. 1. Структура отраслей промышленности

На момент провозглашения независимости Украина имела один из наилучших показателей ВВП, промышленной и сельскохозяйственной продукции на душу населения и производила около 5% промышленной продукции планеты [5]. Однако структура промышленного производства с 1985-го до 1999-го года (рис. 1) [6] заметно изменилась. В 1985 году ведущими отраслями в структуре промышленности были машиностроение, черная металлургия, легкая и пищевая промышленность, и такая структура практически оставалась стабильной на протяжении нескольких десятилетий советского периода. К 1999 году приоритеты изменились: в 2 раза увеличился объем производства черной металлургии, в 5 раз — электроэнергии, в 1,5 раза — топлива; почти в 2 раза снизился объем производства в машиностроении, в 7 раз — в легкой промышленности, в 1,2 раза — в пищевой.

Преобразования в структуре отраслей промышленности сопровождались резким падением общего объема ВВП на душу населения и массовой безработицей и только к 1999 году ситуация стабилизировалась (см. рис. 2) [6; 7; 8].



* Уровень безработицы вычислялся как отношение (в %) количества безработных к экономически активному населению.

Рис. 2. Динамика ВВП и уровень безработицы

Институциональные преобразования в экономической сфере стимулировали массовое передвижение индивидов в стратифицированном пространстве, одних вытесняя с рынка труда вследствие закрытия производств и довольно массового сокращения трудовых позиций в экономике, а других вынуждая к смене места работы или профессии. Характеризуя ситуацию второй половины 1990-х годов в предисловии к монографии “Подвижность структуры”, С.Макеев отметил, что “не только индивиды перемещаются между позициями, но и сами позиции пришли в движение относительно друг друга и никак не могут составить новые, сколько-нибудь стабильные конфигурации” [9, с. 3]. Такая подвижность позиций в трансформирующемся обществе на этапе экономического спада по необходимости вызывает к жизни гибко-плюральные формы неполной или частичной занятости или же вынуждает индивидов перемещаться в структуре занятости в поис-

ках источников доходов. В связи с этим флексибилизация рынка труда выражается в перегруппировке квалификаций, позиций и статусов. Здесь многое становится временным, текучим, нестойким, а позиции не конвертируются уже в устойчивые, передаваемые по наследству статусы [10, с. 29].

В таком подвижном континууме, когда социальная структура открывает, закрывает либо блокирует доступ к определенным позициям через механизмы рыночных отношений, конкуренции за обладание различными благами и ресурсами, индивиды вправе сами принимать решения, соглашаться или не соглашаться на перемещение по дифференцированному и стратифицированному пространству, осуществляя при этом горизонтальную или вертикальную мобильность. Каждый социальный субъект, стремясь реализовать свои интересы в рамках той свободы выбора, которую оставляют ему ресурсные, институциональные и культурные ограничения, исходит из собственной системы ценностей и оценок, которые могут разделяться или не разделяться его ближайшим окружением. Эти оценки выступают индикаторами социального самочувствия и зависят от уровня удовлетворенности, степени мобильности и модальности притязаний. Но самым важным из оценочных суждений выступает оценка своего социального положения, своего “места” в стратифицированном пространстве. Под такими суждениями будет подразумеваться комплекс представлений людей о социальной реальности и их “месте” в этом пространстве, регулирующем жизненную активность индивида и вовлекающем буквально все слои населения в адаптивный или дезадаптивный процесс. Такое “чувство места”, или идентификационные практики, как их еще называет С.Макеев, с одной стороны, “характеризуют процесс размещения себя в стратифицированном пространстве посредством “внешних” и “интернализированных” структур, то есть социальной структуры и габитуса” [10, с. 15], структурированной системы диспозиций (ценностных ориентаций, социальных установок). С другой стороны, по таким практикам можно судить о представлениях респондентов относительно степени справедливости в обществе: соответствия личных достижений определенной социальной позиции, доступа к соответствующим благам и ресурсам, уровня вознаграждений за признанную важность профессии со стороны государства.

Таким образом, в самом общем плане очевидно, что локализация себя в пространстве позиций и статусов коррелирует с экономическими, политическими, культурными представлениями и оценочными суждениями. Опираясь на данные мониторингового исследования, ежегодно проводимого Институтом социологии НАН Украины, можно попытаться эмпирическим путем обнаружить и зафиксировать такие связи.

Эмпирические импликации

На протяжении 15 лет Институт социологии НАНУ проводит репрезентативное для взрослого населения Украины (в возрасте 18 лет и старше) мониторинговое исследование (автор программы и научный координатор проекта — Н.В.Панина), целью которого является анализ тенденций социальных перемен в стране. Массивы данных включают различные переменные, позволяющие проследить и оценить как общие характеристики преобразований в украинском обществе, так и особенности социальных процессов, происходящих в разных сферах жизнедеятельности людей и общества.

При анализе данных использовались массивы этих обследований за 1994–2006 годы (размер национальной выборки колебался от 1799 до 1810 человек). Анализ строился в два этапа. Первый этап включал процедуру объединения 13 массивов в три группы, главным образом для того, чтобы увеличить наполняемость ячеек в таблицах распределений и тем самым расширить возможности для проведения углубленного анализа состояний и тенденций в оценках и самооценках граждан Украины. При этом группировались только те оценки ситуации в стране и в повседневных практиках индивидов (их общее количество составило 96), которые были представлены в каждом из 13 массивов начиная с 1994 года по 2006-й включительно. Всего было сформировано 3 объединенных массива, каждый из которых характеризовал особый этап в социально-экономической эволюции украинского общества. Первая группа массивов — 1994–1998 годы ($N = 8991$) — репрезентирует период, на начальном этапе которого происходило резкое падение ВВП и возрастание уровня безработицы в стране, пока к 1998 году ситуация наконец не стабилизировалась (см. рис. 2). Вполне закономерно, что в этот период было зафиксировано ухудшение оценок относительно себя и общества и нарастание неудовлетворенности различными сторонами жизни [11]. 1999–2002 годы ($N = 7203$) — вторая группа массивов, относящаяся к фазе экономической стабилизации, началу экономического роста и, как следствие, постепенное нарастание позитивных изменений в основных показателях мониторингового обследования. Последняя группа массивов — 2003–2006 годы ($N = 7195$) отражает закрепление обозначившихся в предыдущие годы тенденций.

На втором этапе использовался метод множественного регрессионного анализа, который представлен в пакете SPSS. Этот метод давно уже используется отечественными социологами для выявления скрытых закономерностей и представляет собой одну из форм латентного анализа [12]. Еще в 1988 году В.Хмелько [13], рассматривая различные способы измерения зависимости общей удовлетворенности жизнью от отдельных ее компонентов, показал преимущества использования метода регрессионного анализа, позволяющего оценить силу, величину, вклад частных удовлетворенностей различными сторонами жизни в общую удовлетворенность в целом.

Цель данной статьи состояла в том, чтобы выявить, в какой степени на оценку своего положения в обществе (“место” в социальной структуре) влияют оценки и суждения относительно ситуации в стране, материально-финансового положения индивидов (семьи). Эмпирическим показателем “места” в структуре был ответ на вопрос: “Представьте себе, что на ступенях воображаемой “лестницы” расположены люди с разным положением в обществе: на самой низкой ступени — те, кто имеет самое низкое положение, а на самой высокой — те, кто имеет самое высокое положение. На какую из этих ступенек Вы бы поставили себя?”. 96 суждений и оценок были агрегированы в 8 групп, описывающих экономические и политические ориентации респондентов, их профессиональный и материальный статус, структуру удовлетворения потребностей и проведения свободного времени, отношения к социальным изменениям, а также демографические характеристики. Регрессионный анализ позволил количественно зафиксировать величину, силу влияния каждой из 8 групп на размещение индивидами себя на ступенях воображаемой лестницы. Наличие трех массивов дало возможность проследить сдвиги в характере

связи между “зависимой” (“место” в структуре) и “независимыми” переменными, что отображено в регрессионных моделях (см. табл. 1–8).

Таблица 1

1-я модель: динамика детерминированности экономическим измерением стратификационной позиции в обществе

Экономическое измерение	Стратификационная позиция (коэффициент регрессии)		
	1994–1998	1999–2002	2003–2006
Материальный уровень жизни семьи	0,461	0,384	0,382
Экономическая ситуация в Украине	0,055	0,108	0,128
Заработная плата	0,057	0,055*	0,092
Совокупный доход	–**	–**	0,091
<i>Коэффициент детерминации</i>	0,24	0,20	0,25

* Уровень значимости – 0,001.

** Не значим.

Вклад экономического измерения социальной структуры, представленного 4 социальными характеристиками (оценками материального уровня семьи и экономической ситуации в стране, уровнями заработной платы и совокупного дохода), в “субъективную позицию” в 2003–2006 годах практически не изменился по отношению к 1994–1998 годам (коэффициент детерминации составил: 0,25 и 0,24) (см. табл. 1). То есть оценка своего социального положения на 25% объясняется экономическим измерением в 2003–2006 годах и на 24% – в 1994–1998 годах. В 1999–2002 годах было зафиксировано ослабление влияния этого фактора по отношению к 1994–1998 годам в 1,2 раза, а к 2003–2006 годам – в 1,3 раза.

Внутри экономического измерения прослеживаются определенные динамические процессы. Если фактор материального уровня жизни семьи постепенно, начиная с 1994 года, утрачивал свое влияние на оценку социального положения в обществе, то три других фактора, охватывающих оценку экономической ситуации в стране, уровень заработной платы и совокупный доход семьи, наоборот, приобретали в значимости. При этом фактор материального уровня в 1994–1998 годы в 8,1 раза сильнее влиял на “субъективную позицию”, чем уровень заработной платы (в 1999–2002 – в 7 раз; в 2003–2006 – в 4,2 раза).

Из включенных в мониторинговое обследование 20 вариантов различных потребностей, то есть перечня того, что необходимо гражданам Украины для полноценной жизни, в регрессионную модель вошло только 11 (см. табл. 2). Вклад структуры потребностей в “субъективную позицию” на протяжении 9 лет (с 1994-го по 2002 год) был стабилен: коэффициент детерминации составил 0,14, что говорит о том, что оценка своего социального положения в эти годы на 14% объяснялась структурой потребностей. И только к 2003–2006 годам влияние этого фактора ослабло, то есть выбор своей социальной позиции в обществе в эти годы стал меньше зависеть от уровня удовлетворения данных потребностей.

Таблица 2

2-я модель: динамика детерминированности структурой удовлетворения потребностей стратификационной позиции в обществе (полную формулировку вопросов см.: Українське суспільство 1992–2006. Соціологічний моніторинг. — К., 2006. — С. 487–493 (f6.1–f6.20))

Дефицитарность/насыщенность потребностей в:	Стратификационная позиция (коэффициент регрессии)		
	1994–1998	1999–2002	2003–2006
возможности покупать необходимые продукты	0,162	0,159	0,128
умении жить в новых условиях	0,091	0,069	0,124
возможности питаться так, как хотелось бы	0,068	0,083	0,113
здоровье	0,085	0,068	0,094
уверенности в своих силах	0,084	0,093	0,063
необходимой одежде	0,096	0,060	0,054
необходимой медицинской помощи	—**	0,038*	—**
современных политических знаниях	—**	—**	–0,053
модной и красивой одежде	–0,101	–0,076	–0,070
современных экономических знаниях	–0,056	–0,074	—**
возможности проводить отпуск	–0,061	–0,076	—**
<i>Коэффициент детерминации</i>	0,14	0,14	0,13

* Уровень значимости – 0,004.

** Не значим.

Рассматривая различные составляющие структуры потребностей, можно заметить, что четыре из них имеют отрицательный коэффициент регрессии. Это означает, что чем выше потребности в современных политических и экономических знаниях, в модной и красивой одежде, в отпуске, тем сильнее они влияют на оценку своего социального положения в обществе. Наличие возможности покупать необходимые продукты питания стала в 1,3 раза слабее влиять на выбор “субъективной позиции” в 2003–2006 годах, чем в 1994–1998. Зато возможность питаться в соответствии со своими потребностями, наоборот, увеличила свой вес в 1,7 раза в 2003–2006-м по сравнению с 1994–1998 годами.

Два качества — умение жить в новых условиях и уверенность в собственных силах, как представляется, должны были друг друга дополнять, а в действительности, как оказалось, по-разному влияют на восприятие своего социального положения. Если такое качество, как умение жить в новых условиях, усилило свое влияние на “субъективную позицию” в 2003–2006 годах в 1,8 раза по отношению к 1999–2002 годам, то уверенность в своих силах, наоборот, уменьшила свое влияние к 2003–2006 годам в 1,5 раза по сравнению с 1999–2002 годами.

Материальный статус описывается переменными, характеризующими наличие в семье различных предметов и вещей. Из 13 вариантов, имеющих в мониторинговой анкете, в регрессионную модель вошли только 10 (см.

табл. 3). Общий вклад этого фактора в субъективную стратифицированную позицию в обществе на протяжении 13 лет ослабевает, и к 2003–2006 годам составил только 9%, что в 1,3 раза ниже, чем в 1994–1998 годах. Это означает, что для определения своей стратификационной позиции в обществе граждане Украины стали все меньше учитывать наличие в семье материальных ресурсов.

Таблица 3

3-я модель: динамика детерминированности стратификационной позиции в обществе материальным статусом

Материальный статус	Стратификационная позиция (коэффициент регрессии)		
	1994–1998	1999–2002	2003–2006
Модная одежда	0,123	0,109	0,139
Сtereo- и видеоаппаратура	0,063	0,075	0,084
Магнитофон, радиоприемник, проигрыватель	0,096	0,089	0,081
Легковой автомобиль	0,069	0,044	0,069
Цветной телевизор	0,052	0,053	0,063
Спортивное, туристическое снаряжение	0,030**	0,052	–***
Наличие дачи	0,030*	0,047	–***
Новая мебель	0,067	0,055	0,043
Библиотека	0,052	0,043	–***
Стиральная машина	0,043	–***	0,037
<i>Коэффициент детерминации</i>	0,12	0,10	0,09

* Уровень значимости – 0,004.

** Уровень значимости – 0,005.

*** Не значим.

За 13 лет прослеживается следующая тенденция: те предметы и вещи, которые подчеркивают или декларируют определенный достаток в семье и, наверное, выступают престижными атрибутами индивидуального социального статуса, усиливают свое влияние на выбор “места” в социальной структуре (современная stereo-, видеоаппаратура, цветной телевизор, легковой автомобиль). А наличие в семье предметов длительного пользования (дача, новая мебель, библиотека, стиральная машина) утрачивает влияние на оценку своего социального положения в обществе.

4-я модель представлена переменными, характеризующими оценки тех или иных социальных изменений, которые происходили в жизни семьи за последние 12 месяцев каждого обследуемого периода (см. табл. 4). Из 12 вариантов различных социальных перемен в регрессионную модель вошло только 8. Вклад этого фактора в “субъективную позицию” ослабевает на протяжении всего периода наблюдений. Если в 1994–1998 годах оценка своего социального положения в обществе объяснялась на 9% оценкой тех перемен, которые происходили в жизни семьи, то к 2003–2006 годам – только на 6%, что в 1,5 раза меньше.

Таблица 4

4-я модель: динамика детерминированности стратификационной позиции в обществе оценками социальных перемен

Характер социальных изменений	Стратификационная позиция (коэффициент регрессии)		
	1994–1998	1999–2002	2003–2006
Материальный уровень семьи	0,253	0,206	0,139
Медицинское обслуживание	0,086	0,106	0,074
Условия отдыха после работы	0,072	–**	–**
Возможное участие в культурной жизни	–**	–**	0,052
Условия воспитания детей	–**	–**	0,048
Возможность свободно высказывать свои взгляды	0,044	–**	–**
Личная безопасность	–**	–**	0,41*
Условия отдыха во время отпуска	–0,103	–**	–**
<i>Коэффициент детерминации</i>	0,09	0,08	0,06

* Уровень значимости – 0,002.

** Не значим.

На сегодняшний день характер социальных изменений, связанных с улучшением материального уровня семьи, медицинским обслуживанием, возможностью участвовать в культурной жизни, условиями воспитания детей и личной безопасностью, влияет на оценку своего социального положения в обществе. Хотя улучшение материального уровня жизни семьи с каждым годом утрачивает свое влияние на “субъективную позицию”, тем не менее оно по-прежнему лидирует среди других факторов.

Из 37 входящих в анкету вариантов проведения свободного времени в регрессионную модель вошли только 17 (см. табл. 5). Общий вклад этого фактора в “субъективную позицию” постепенно ослабевает. Если в 1994–1998 годах оценка своего социального положения в обществе объяснялась на 9% тем, как респонденты проводят свое свободное время, то к 2003–2006 годам – только на 6%. Это говорит о том, что на сегодняшний день форма проведения досуга в 1,5 раза утратила свою детерминирующую роль по отношению к “субъективной позиции”.

Рассматривая структуру проведения свободного времени в целом за 13 лет, можно заметить, что она существенно изменилась. Если в середине 1990-х годов для граждан Украины значимыми характеристиками, влияющими на выбор той или иной позиции в обществе, были прослушивание музыки, отдых на природе, занятия утренней гимнастикой, чтение газет, а также работа по совместительству и посещение гостей, то к 2003–2006 годам приоритеты изменились. С повышением материального уровня жизни семьи создаются все предпосылки для формирования новой структуры проведения свободного времени. На сегодняшний день можно выделить следующие виды досуга, влияющие на выбор той или иной позиции в обществе. Условно назовем их: 1) “отдых в кругу семьи” (прослушивание музыки, занятия с компьютером, общение с детьми, прием гостей, посещение недовольственных

магазинов, рынков); 2) “культурный досуг” (посещение ресторанов, кинотеатров, театров, концертов); 3) “здоровый образ жизни”, когда свободное время посвящается поддержанию своей физической формы; 4) “общественная работа”.

Таблица 5

5-я модель: динамика детерминированности структурой проведения свободного времени стратификационной позиции в обществе

Свободное время	Стратификационная позиция (коэффициент регрессии)		
	1994–1998	1999–2002	2003–2006
Утренняя гимнастика	0,067	–***	–***
Отдых на природе	0,067	0,067	–***
Прослушивание музыки	0,119	0,108	0,065
Занятия с компьютером	–***	0,072	0,062
Занятия с детьми	–***	–***	0,061
Поход в гости	0,040*	0,061	–***
Посещение непродовольственных магазинов, рынков	0,048	–***	0,059
Прием гостей	0,040*	0,052	0,057
Посещение ресторанов	0,066	0,070	0,056
Чтение газет	0,064	0,045	–***
Посещение кинотеатров	–***	–***	0,040*
Посещение театров, концертов	–***	–***	0,039*
Плавание, посещение спортивного зала	–***	–***	0,039*
Работа по совместительству	0,037	–***	–***
Общественная работа	–***	–***	0,033**
Прослушивание радиопередач	–0,072	–0,048	–***
Просто отдых	–***	–0,051	–***
<i>Коэффициент детерминации</i>	0,09	0,07	0,06

* Уровень значимости – 0,001.

** Уровень значимости – 0,004.

*** Не значим.

Шестая регрессионная модель (табл. 6) представлена тремя переменными: территориальная принадлежность (область проживания); поселенческий тип (место проживания); возраст респондента. Общий вклад этого фактора в “субъективную позицию” уменьшается. Если в 1994–1998 и 1999–2002 годах оценка своего социального положения в обществе объяснялась на 8% демографическими характеристиками, то к 2003–2006 годам только на 6%. Иначе говоря, в 1,3 раза демографическое измерение утратило свою детерминирующую роль по отношению к “субъективной позиции”.

Как видно из этой модели, область проживания является практически постоянной величиной, не изменяющей своего влияния на “субъективную

позицию” на протяжении 13 лет. Что же касается поселенческого типа и возраста, то здесь “картина” неустойчива. Если в середине 1990-х годов молодые люди скорее идентифицировали себя с высокими позициями в обществе, то к настоящему моменту их самооценки становятся более адекватными, за исключением 1999–2002 годов, когда притязания на высокие позиции в обществе у них были максимальные.

Таблица 6

6-я модель: динамика детерминированности стратификационной позиции в обществе демографическим измерением

Демографическое измерение	Стратификационная позиция (коэффициент регрессии)		
	1994–1998	1999–2002	2003–2006
Область (территориальная принадлежность)	0,033*	0,033*	0,038*
Место проживания (поселенческий тип)	0,075	0,023	0,101
Возраст	–0,223	–0,240	–0,172
<i>Коэффициент детерминации</i>	0,08	0,08	0,06

* Уровень значимости менее 0,004.

К настоящему времени “субъективная позиция” становится все более зависимой от места проживания респондентов. Наверное, это связано с тем, что в малых городах, не говоря уже о селах, работу найти труднее, чем в больших городах. Так, сила влияния места проживания на “субъективную позицию” была в 1,4 раза сильнее в 2003–2006 годах, чем в 1994–1998-м. Исключение составили 1999–2002 годы. В этот период зафиксировано минимальное влияние места проживания на оценку своего положения в обществе.

Таблица 7

7-я модель: динамика детерминированности стратификационной позиции в обществе профессиональным измерением

Профессиональное измерение	Стратификационная позиция (коэффициент регрессии)		
	1994–1998	1999–2002	2003–2006
Образование	0,163	0,136	0,132
Работа	0,134	0,158	0,166
<i>Коэффициент детерминации</i>	0,06	0,06	0,06

Профессиональное измерение описывается двумя переменными — уровнем образования и типом занятости (см. табл. 7). Хотя “субъективная позиция” и объясняется на 6% профессиональным измерением и его вклад стабилен на протяжении 13 лет, тем не менее в его рамках происходят динамические процессы. Если в середине 1990-х годов для украинских граждан более важное значение при определении своего места на воображаемой социальной лестнице имел уровень образования, чем тип занятости (сила влияния образования была в 1,2 раза сильнее, чем работы), то к 2003–2006

годам эти факторы поменялись местами (работа стала влиять в 1,3 раза сильнее, чем уровень образования).

Таблица 8

8-я модель: динамика детерминированности политическим измерением стратификационной позиции в обществе

Политическое измерение	Стратификационная позиция (коэффициент регрессии)		
	1994–1998	1999–2002	2003–2006
Руководители сельхозпредприятий	0,108	–**	–**
Наличие политических партий, которым можно доверять	–0,044	–0,060	0,065
Предприниматели, бизнесмены	0,120	0,083	0,063
Необходимость в многопартийной системе	0,111	0,088	0,063
Свобода политических взглядов	–**	–**	0,059
Наличие политических лидеров, способных эффективно управлять страной	0,036*	0,051	–**
Интеллигенция	–**	–**	0,045
Руководители госпредприятий	–**	0,028	–**
Пенсионеры	–0,034*	–**	–**
Мафия, преступный мир	–0,042	–0,040*	–0,062
<i>Коэффициент детерминации</i>	0,03	0,02	0,03

* Уровень значимости – 0,001.

** Не значим.

Политическое измерение описывается двумя типами переменных (см. табл. 8). Первый тип включал ответы на вопрос: “Какие социальные группы играют важную роль в жизни украинского общества?”. Из 13 предложенных социальных групп только 6 вошли в регрессионную модель. Второй тип переменных описывает различные политические ориентации жителей Украины. Общий вклад политического измерения в “субъективную позицию” составил 2% в 1999–2002 годы и по 3% в 1994–1998 и 2003–2006 годах соответственно. Это говорит о том, что в 1994–1998 и 2003–2006 годах субъективная стратификационная позиция в обществе на 3% объяснялась политическим измерением, а в 1999–2002 годах — на 2%.

За 13 лет в политических ориентациях граждан Украины произошли существенные перемены. Если в 1994–1999 годах признание наличия политических лидеров, способных эффективно управлять страной, высоко коррелировало с выбором той или иной социальной позиции в обществе, то в 2003–2006 годах этот критерий стал незначимым. А наличие в стране свободы в декларировании своих политических взглядов только к 2003–2006 годам приобрело свое влияние на выбор “субъективной позиции”.

Доверие к политическим партиям за 13 лет кардинально переструктурировалось. Если в 1994–1999 годах наблюдалась корреляция между признанием *отсутствия* политических партий, которым можно доверять, и вы-

бором человеком своей социальной позиции в обществе (коэффициент регрессии был отрицательным и составлял $-0,044$), то в 2003–2006 годах, наоборот, приобрело вес признание *наличия* политических партий, которым можно доверять (коэффициент регрессии составил $0,065$). Зависимость “субъективной позиции” от восприятия наличия в стране многопартийной системы становится менее выразительной. В 2003–2006 годах оценка значимости роли интеллигенции в жизни украинского общества приобрела вес и влияние на “субъективную позицию”.

Выводы

Подвижность социальной структуры за исследуемый период подтверждается изменением силы влияния отдельных ее компонентов на субъективную стратификационную позицию в обществе.

1. Как показал анализ регрессионных моделей, 8 стратификационных измерений социальной структуры влияют на “субъективную позицию”, но сила влияния этих детерминант колеблется в зависимости от институциональных преобразований, характерных для каждого из трех периодов мониторингового обследования. Если в 1994–1998 годах регрессионные модели описывали 85% всех влияний социальной структуры на оценку той или иной позиции в обществе, то к 2003–2006 годам это влияние ослабло в 1,2 раза и составило 74%.

2. Из структурных детерминант, описывающих основные параметры социальной структуры, самыми влиятельными, вносящими весомый вклад в “субъективную позицию” являются: экономическое измерение, структура удовлетворения потребностей и материальный статус семьи. Далее по уменьшению силы влияния идут: характер социальных изменений в стране, свободное время, демографические характеристики; замыкают этот перечень профессиональное и политическое измерения.

3. Перечень оценок и суждений не исчерпывающий, но достаточно полный. В 1994–1998 годах только 15% не вошедших в анализ социоструктурных детерминант оказывали влияние на выбор той или иной позиции в обществе. Но к 2003–2006 годам их количество увеличилось почти в 1,7 раза и составило 26%. Это означает, что при определении своего “места” в социальной иерархии индивиды руководствуются еще и иными соображениями, о характере и содержании которых представленный в статье анализ ничего не сообщает.

4. В 1999–2002 годах сила влияния экономического и политического измерения социальной структуры была наименьшей за все 13 лет (коэффициент детерминации составил $0,20$ и $0,02$ соответственно). Для этих лет характерна также самая низкая зависимость “субъективной позиции” от места проживания респондентов и максимальные притязания на высокие позиции в обществе у молодых людей.

5. Вклад структуры потребностей (2-я модель) в “субъективную позицию” на протяжении 13 лет остается почти в 2,3 раза выше, чем, например, вклад профессионального измерения (7-я модель). Возможно, это говорит о том, что для большинства граждан Украины удовлетворение определенного уровня потребностей намного важнее для отождествления себя с той или иной позицией в обществе, чем определенный уровень образования или вид занятости.

6. Хотя и появились новые формы досуга, влияющие на “субъективную позицию”, тем не менее общий вклад 5-й модели в восприятие своего “места” в обществе с каждым годом снижается, то есть оценка своего социального положения все меньше и меньше объясняется структурой проведения свободного времени.

7. Уменьшение почти в 1,2 раза силы влияния фактора образования на “субъективную позицию” (7-я модель) к 2003–2006 годам говорит о том, что на сегодняшний день больше начинают цениться профессиональные качества, подкрепленные не формальным уровнем образования, а уровнем квалификации и профессиональным опытом работы, подразумевающим постоянное совершенствование своей профессиональной компетентности. То есть ценится не наличие диплома о высшем образовании, а степень компетентности, умение постоянно обучаться, повышать и подтверждать свою профессиональную пригодность непосредственно на рабочем месте. Кстати, эти тенденции были отмечены У.Бекем и З.Бауманом при характеристике современного этапа развития западных обществ. Но, например, в Польше зафиксированы несколько иные тенденции. Хенрик Доманьский [14; 15], анализируя социальную структуру Польши при переходе от коммунизма к капиталистическому обществу, обнаружил возрастание роли меритократических факторов, в частности зависимость социальной позиции и дохода от уровня образования. Возможно, это объясняется тем, что в Польше спад объемов ВВП, возрастание уровня безработицы и массовое ухудшение жизненных стандартов поляков были приостановлены к 1994 году благодаря очень быстрым темпам проведения рыночно ориентированных реформ. В Украине ситуация стабилизировалась только к 1998 году, а осуществление рыночных реформ затянулось почти на десятилетие.

8. Проведенный анализ дает некоторые аргументы в пользу тезиса об индивидуализирующемся украинском обществе. Во-первых, в экономическом измерении это можно заметить по увеличению роли заработной платы и уменьшению роли материального уровня семьи в определении своей социальной позиции в обществе. Во-вторых, в контексте материального статуса семьи украинские граждане стали считать более престижными те вещи и предметы, которые непосредственно характеризуют их индивидуальное потребление. И, в-третьих, в сфере досуга также можно отметить несколько тенденций. Наши соотечественники более избирательно относятся к своему свободному времени и тратят его преимущественно на те формы досуга, которые им лично приносят удовлетворение и имеют определенную ценность именно для них.

Быть может, это подтверждает уместность утверждения о том, что “проект создания все новых и новых образцов порядка не завершен: о социальных структурах каждый раз допустимо говорить по-иному, не отказывая им в статусе объяснительного принципа” [16, с. 19].

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — М., 2000.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. — М., 2002; Бауман З. Текущая современность. — СПб., 2008.
3. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. — М., 1998.

4. *Gambetta D.* Were They Pushed or did They Jump : Ph.D. dissertation, Cambridge University, 1982.
5. См.: <http://www.ukrstat.gov.ua>.
6. Статистичний щорічник України за 1999 рік / Державний комітет статистики України. — К., 2000.
7. Статистичний щорічник України за 2000 рік / Державний комітет статистики України. — К., 2001.
8. Статистичний щорічник України за 2006 рік / Державний комітет статистики України. — К., 2007.
9. Подвижность структуры. Современные процессы социальной мобильности / Под ред. С.Макеева. — К., 1999.
10. *Макеев С.А.* Социальная мобильность: теоретический и социальный контексты изучения // Подвижность структуры. Современные процессы социальной мобильности / Под ред. С.Макеева. — К., 1999. — С. 8–30.
11. *Паніна Н.В.* Українське суспільство 1992–2006: соціологічний моніторинг. — К., 2006.
12. *Паніотто В.І., Максименко В.С., Харченко Н.М.* Статистичний аналіз соціологічних даних. — К., 2004.
13. *Хмелько В.Е.* Социальная направленность личности: некоторые вопросы теории и методики социологических исследований. — К., 1988.
14. *Доманьский Х.* Появление в Польше меритократии // Социологические исследования. — 2002. — № 6. — С. 29–49.
15. *Доманьский Х.* Средний класс при переходе от коммунизма к капиталистическому обществу // Восточноевропейские исследования. — 2005. — № 1. — С. 81–96.
16. *Макеев С.А.* Неравенство в социологической перспективе // Новые социальные неравенства / Под ред. С.Макеева. — К., 2006. — С. 14–42.